



ХЛЫСТЪ ИЛИ ПАРАНОИКЪ?

Лѣтомъ 1850 года до свѣдѣнія Нижегородскаго Военнаго Губернатора князя Урусова дошли слухи, что крестьянинъ села Волчихи, Арзамасскаго уѣзда, Василій Радаевъ распространяетъ ученіе, противное догматамъ православной вѣры. Князь Урусовъ немедленно сдѣлалъ предписаніе о производствѣ разслѣдованія. Началось подробное слѣдствіе, въ результатѣ котораго получилось обширное судебное дѣло о крестьянинѣ Василю Радаевѣ.

Это дѣло хорошо извѣстно лицамъ, занимающимся изученіемъ русскаго мистическаго сектанства. Въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ очень часто можно встрѣчать ссылки и указанія на него, а иногда даже и обширныя подлинныя выдержки отсюда. Но въ полномъ видѣ это дѣло въ печати еще не появлялось.

О послѣднемъ приходится только пожалѣть, такъ какъ отсутствіе печатнаго изданія дѣла о Радаевѣ является причиной того, что люди разныхъ направленій смотрятъ на этого „вдохновеннаго учителя“ разными глазами и по разному трактуютъ вызванное имъ религиозное движеніе. Въ то время, какъ одни считаютъ его хлыстовскимъ пророкомъ, открыто освятившимъ развратъ въ хлыстовской сектѣ¹⁾, другіе представляютъ его религиозно-помѣшаннымъ энтузіастомъ, съ рѣзко выраженной эротической окраской, вызвавшимъ въ народныхъ массахъ религиозно-психическую эпидемію²⁾.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются небольшіе, но существенные отрывки изъ этого дѣла, которые заключаютъ въ себѣ матеріалъ для сужденія о томъ, кто былъ Радаевъ: хлыстъ или параноикъ. Эти частичные документы мы и предлагаемъ вниманію читателей.

Въ составъ предлагаемыхъ отрывковъ входятъ: а) показанія, данныя на слѣдствіи самимъ Радаевымъ и нѣкоторыми его послѣдо-

1) Такъ смотритъ на него *Мельниковъ, Добротворскій* и всѣ православно-церковныя писатели и полемисты.

2) Такой взглядъ принадлежитъ извѣстному изслѣдователю мистическаго сектанства *Д. Г. Коновагову*.

вателей, б) нѣкоторыя произведенія Радаева и в) объясненія, представленныя духовною властью.

Показаніе Василія Радаева, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Отъ роду мнѣ 29 лѣтъ; грамотѣ читать и писать умѣю; вѣры православной, на исповѣди и у святаго причастія ежегодно бываю; подѣ судомъ же ни за что не находился; признаю, что во мнѣ своей воли нѣтъ, а во всемъ дѣйствуетъ во мнѣ духъ святой; сначала я сомнѣвался въ томъ, что не ошибочно ли думаю, что во мнѣ Божіе, полно: не вражіе-ли; но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ духъ: „молись Божіей Матери, читай канонъ“, и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то духъ сталъ мною водить; и когда случалось, что противился духу, то за это страдалъ недѣль по пяти; въ доказательство видимой благодати духа божія могу рассказать слѣдующій случай. Одинъ разъ сталъ я жить въ кельѣ, въ лѣсу, на пчельникѣ, туда перетаскалъ и книги свои, вдругъ меня сильно двинуло и стало захватывать дыханіе и сталъ умирать, послѣ чего я ходилъ исповѣдываться къ священнику, но къ Причастію духъ меня не допустилъ, я сдѣлался боленъ на недѣлю, потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ духъ божій, говорящій: „вставай и иди причащаться;“ послѣ чего всталъ и былъ весь здоровъ, но воли своей уже во мнѣ не было; наконецъ, причастился и ободрился, и начало опять гонять и водить меня духомъ такъ, что иногда, когда ѣмъ, вдругъ руку у меня остановить. и вообще во всякихъ вещахъ своей воли больше уже не имѣю. Женищина одна хворала и пришла просить меня помазать ее масломъ изъ моей лампы; я сталъ брать изъ лампы масло, но духъ святой остановилъ меня и велѣлъ ей дать только свѣчей да ладана; когда же она ушла, то духъ божій послалъ меня къ ней, и когда я пришелъ и хотѣлъ подойти къ ней, то она говоритъ, что, оправившись отъ болѣзни, хочетъ жить жизнью лучшею; но духъ святой сказалъ мнѣ, что уже больше жить она не будетъ, и точно на утро умерла; имя ей было Евдокія, села Волчихи, крестьянка. У Ивана Васильева, села жъ Волчихи, Удѣльнаго Вѣдомства, была сестра, которая, собираясь въ путь, пришла къ нему проститься, а я ей сказалъ: „ей, Матрена, потише; пупокъ лопнетъ“; что я нерѣдко говорилъ ей и прежде, она же, не послушавшись, пошла и дорогой умерла. Все это предсказывалъ я по внушенію духа святаго. Къ этому же крестьянину Ивану Васильеву по прозванію Муха я въ другой разъ пришелъ и сталъ перебирать лучины въ рукахъ, и одну воткнулъ изъ нихъ въ полъ и сказалъ: „Иванъ Васильевъ! Одинъ останешься“;

черезъ четыре дня жена его умерла. Я приказывалъ всегда молиться съ зажженою лампадою; но нѣкоторыя дѣвушки изъ скупости сего не исполняли; когда же я приходилъ, то по духу святому это узнавалъ и всякій разъ за это масло у нихъ выливалъ. На Ваду хворала женщина, ее зовутъ Настасья Пашкова; я пришелъ къ ней, хворой, по внушенію духа, попросилъ у ней квасу съ намѣреніемъ не самому выпить, а ей дать, и когда она сказала, что идти сама не можетъ, я велѣлъ ей, хоть ползти, да самой принести, когда же она принесла квасъ, то я взялъ его какъ будто для того, чтобы самому напиться, потомъ перекрестилъ и далъ ей выпить; на другой день она сдѣлалась здорова. Въ Тарусскомъ сноха Кузьмы Петрова была приведена ко мнѣ одной дѣвушкой и говоритъ, что третій годъ у нихъ нездорова женщина; на это духъ святой приказалъ мнѣ дать ей воды перекрестивши, что я исполнилъ; и тотчасъ она сдѣлалась здорова. Кто же приходилъ ко мнѣ съ невѣріемъ въ меня, а съ желаніемъ лишь испытать меня, съ тѣми я ничего не дѣлалъ, а выгонялъ ихъ; но во всемъ этомъ дѣйствовалъ не я, а духъ святой, всюду вода меня и повертывая; когда же я вдохновлялся, то чувствовалъ въ себѣ радость несказанную, слезы, умиленіе и смиреніе. Одинъ разъ въ церкви противъ дѣвушки Устиньи стояла вдова, къ которой она, Устинья, имѣла вражду, почему и чувствовала въ сердцѣ своемъ сильную на нее злобу; вдругъ все это открылъ мнѣ духъ святой и я вывелъ ее изъ церкви на паперть и сказалъ: „Устинья! Такъ въ церкви стоять не подобаетъ!“ Также правда и то, что духъ, во мнѣ находящійся, имѣетъ влеченіе ко мнѣ привязывать и притягивать людей; и въ доказательство привести могу то, что однажды шелъ я по дорогѣ отъ Волчихи къ Кріушѣ, вдругъ духъ божій остановилъ меня, и я стоялъ долго, какъ вкопанный; сестра же жены брата моего жала въ это время и была отъ меня такъ далеко, что видѣть меня не могла; но вдругъ оттолкъ привлекло ее ко мнѣ: но какъ это было дѣло для нее необычное, то она заревѣла, сказавши: что при всемъ усиліи противиться духу не могла; я же ее тутъ успокоилъ и отпустилъ. Духъ божій открывалъ мнѣ, и кто какой жизни: кто дурной и кто хорошей. Такъ, одинъ разъ я сидѣлъ въ кельѣ, и пришла ко мнѣ женщина, которая по духу была мнѣ непріятна, тогда я по волѣ духа ее выгналъ, потому что меня отъ нѣкоторыхъ людей отвращало. Я прихожу иногда въ восторги многіе и чувствую воздыханія неизглаголаннныя; и вообще случаетъ со мною видимой благодати духа святаго было много, но всѣхъ не припомню. Про Арину Лазаревну слышалъ, но когда она была жива, то я еще былъ малъ, и самъ ее не видалъ. Никифоръ же зналъ ее. Про Аеанасія Ревезенскаго благочиннаго слышалъ тоже, что

онъ дѣйствительно жизни духовной, но лично его не знаю. Подобно тѣмъ видѣніямъ, которыя случались со мною, случались и съ Никифоромъ, и вообще благодать святаго духа и надъ нимъ большая, и все у насъ одно, разница лишь въ томъ, что я въ поступкахъ поблестательнѣе его. Объ Иркутскомъ же Искупителѣ и о Большомъ Успенскомъ колоколѣ я ничего не знаю. Духъ же божій кладетъ меня навзничъ крестомъ, иногда приводитъ меня въ восторженные тѣлодвиженія, во время которыхъ себя не помню. Съ Никифоромъ Майданскимъ случается все то же самое, только онъ прикидывается больше меня дурацимъ. Здѣсь же, въ острогѣ, хотя я все это чую, но не проявляю, потому что люди меня окружающіе не поймутъ меня. Изъ людей, преданныхъ моему ученію, самый близкій есть Никифоръ Майданскій, и духъ божій ставитъ его выше всѣхъ прочихъ; потомъ Иванъ Васильевъ Муха Волчишный, Иванъ Ивановъ Вторусскій, который отъ моего ученія чувствуетъ одну лишь радость, Ѳедоръ Павловъ и братъ его, Зюзинскій мальчикъ 11 лѣтъ Иванъ, надъ которымъ видимо уже дѣйствуетъ благодать святаго духа. Изъ женщинъ и дѣвицъ, преданныхъ моему ученію, могу указать: на Екатерину и Матрену Кріушинскихъ, на Аграфену Зюзинскую Волчихинскую, на Евгенію Мотовиловскую, на Аксинью Надшеву, на Ѳеклу, на Марфу Волчихинскихъ, на Наталью Ѳеодора Павлова жену Вторусскую, на Арину и Наталью Вторусскихъ же. Со всѣми съ ними я самъ сожитіе имѣлъ, но другихъ на это не разрѣшалъ. Соитіе съ ними имѣлъ я не по своей волѣ, а по волѣ духа святаго, во мнѣ во всемъ дѣйствующаго; и въ доказательство того, что дѣлалъ это по внушенію духа божія, привести могу то, что прежде нежели я получилъ благодать духа, то послѣ соитія чувствовалъ себя всегда изнуреннымъ и нечистымъ; послѣ же озаренія меня благодатью духа святаго я въ соитіи нечистоты не видалъ, а чувствовалъ отъ себя особенное благоуханіе, которое однакожь нерѣдко и безъ соитія на меня нисходило, такъ что и одежды мои благоухали; это слышно было и другимъ. Показанныя мнѣ слѣдователемъ тетради дѣйствительно писаны моею рукою. Что все показалъ по самой сущей справедливости.

А по прочтеніи записаннаго показанія еще дополнилъ, что онъ такимъ, какъ описываетъ, сдѣлался года съ четыре; наставниковъ же къ этому у него не было, а онъ самъ съ давнихъ лѣтъ пристрастенъ къ чтенію священныхъ книгъ. А какъ имъ нѣсколько своихъ писанныхъ тетрадей роздало въ разныя селенія, то для вѣрнаго собранія ихъ, по указанію его, желаетъ быть взятымъ на слѣдствіе.

По окончаніи означеннаго допроса крестьянинъ Василій Максимовъ въ дополненіе показалъ, что сверхъ обнаруженныхъ имъ въ томъ

допросѣ ходившихъ къ нему слушать его ученіе людей, были еще, какъ теперь припомнить, дѣвки деревни Вторусской: Марфа Θεодорова и Авдотья Абрамова, съ коими тоже не по своей волѣ, а по внушенію духа божія имѣлъ прелюбодѣйную связь; а прежде объ нихъ не показалъ по запоматованію; тетрадей же его собственнаго писанія въ раздачѣ было, какъ припоминаеть, четыре, именно: разныя назиданія духовныя, слово о истинномъ пути, слово зѣло полезное, и о Іисусовой молитвѣ, но у кого онѣ изъ его товарищей находятся, припомнить не можетъ.

Показаніе послѣдователя В. Радаева крестьянина Θεодора Павлова Митрюшкина.

Отъ роду ему не болѣе 27 лѣтъ; грамотѣ читать и писать умѣеть; вѣры православной, на исповѣди и у святаго причастія бываетъ; подъ судомъ не находился; крестьянинъ онъ села Мотовилова, княгини Шахаевой; села Волчихи крестьянинъ Василій Максимовъ (Радаевъ) есть ему коротко извѣстный человекъ потому, что онъ второй годъ, какъ вполнѣ слѣдуетъ его, Максимова, ученію и наставленію, для чего самаго взаимно одинъ къ другому и ходили въ дома, гдѣ занимались чтеніемъ духовныхъ книгъ и пѣніемъ разныхъ псалмовъ. Ученіе Максимова, сколько извѣстно ему, Митрюшкину, заключалось въ томъ, чтобъ безпрестанно твердить молитву Іисусову и жить по доброму; изъ ученія его помнить, что онъ толковалъ: „что если Богъ сотворитъ поступокъ самый скверный, то и тотъ поступокъ будетъ лучше чистоты людской, самой лучшей, въ миллионъ разъ,“ но сему ученію Максимова онъ, Митрюшкинъ, не вѣритъ; о Страшномъ же Судѣ разговора вовсе не было. При разговорахъ Василья, особенно, когда онъ толковалъ имъ свое ученіе, онъ, Митрюшкинъ, замѣчалъ, что онъ постепенно входилъ въ какую-то горячность разговора такъ, что наконецъ приходилъ въ какое-то затменіе ума и чувствовалъ, какъ онъ про то и самъ Максимовъ утверждалъ, особенное стѣсненіе въ груди, которое, по утвержденію Максимова, происходитъ отъ дѣйствія святаго духа, и послѣ котораго онъ впадалъ въ какое-то безпамятство. Подобно симъ прападкамъ, дѣлавшимся съ Васильемъ Максимовымъ, впадалъ онъ, Митрюшкинъ, и съ Майданскимъ крестьяниномъ Никифоромъ. Цѣломудріе, по наставленію Василья, есть гордость, но если человекъ озаренъ благодатью духа святаго, то нѣтъ грѣха разрѣшить, и потому та женщина, которая повидимому съ нимъ, Васильемъ, поступаетъ хуже, лучше поступаетъ для души своей; но и этому ученью

Василья онъ, Митрюшкинъ, не слѣдовалъ. Народный это слухъ, что будто бы онъ, Василій, и его послѣдователи молятся около чану съ водою и хлыщутся съ произнесеніемъ словъ: „хлыщю, хлыщю, Христа ищю,“ если и справедливъ, то ему, Митрюшкину, никогда видѣть не случилось. Отъ церкви онъ, Василій, учениковъ своихъ нисколько не отлучалъ, а, напротивъ того, толковалъ, что безпрестанно въ ней надо пребывать, и что вообще отъ бесѣды и поученія Василья онъ, Митрюшкинъ, чувствуетъ какое-то удовольственное наслажденіе. Показанныя ему, Митрюшкину, при семь двѣ записки дѣйствительно писаны его рукою, и въ этихъ запискахъ онъ, Митрюшкинъ, наименовалъ Максимова святымъ отцомъ собственно потому, что онъ называетъ себя дѣйствующимъ по благодати и духу святому, а не по своей волѣ; равно прочитанныя ему при семь же допросѣ тетради руки Василья онъ слышалъ прежде, при его ученіи, и что въ нихъ написано, то все имъ, Васильемъ, было ему толковано. Къ какой же вѣрѣ Василій принадлежитъ, онъ не знаетъ; враги же его, православные, называютъ его хлыстомъ, но кто именно его такъ называлъ, не помнитъ. Къ чтенію и поученію Василья ходили изъ крестьянъ: Иванъ Васильевъ, Никифоръ Михайловъ и многіе другіе, но кто именно, не припомнить, а изъ дѣвокъ: Кріушинская Матрена и Екатерина села Мотовилова, Евгенія села Волчихи, Аграфена Зюзина и многія другія, тоже въ настоящее время не упомянуть. Въ одной же изъ записокъ онъ, Митрюшкинъ, просилъ Василья разрѣшить отпускъ изъ ихъ артели дѣвокъ, собственно потому, что, будучи преданъ его, Васильеву, ученью, относился во всемъ къ нему, какъ къ старшему учителю или наставнику. Денегъ же имъ на дорогу въ Кіевъ хотѣлъ дать изъ своей собственности, отъ усердія. Все заключающееся въ семь показаніи онъ, Митрюшкинъ, утверждаетъ по самой сущей справедливости.

Показаніе послѣдователя В. Радаева крестьянина Ивана Иванова.

Отъ роду ему 33 года, грамотъ умѣеть, вѣры православной, на исповѣди и у святаго причастія ежегодно бываетъ, подъ судомъ же ни за что не находился. Приходскаго села Волчихи крестьянина Василья Максимова онъ хотя давно знаетъ, но одинъ къ другому въ домъ вхожи не были; а назадъ тому не болѣе съ годъ напередъ, онъ, Василій, прибылъ къ нему и сталъ дѣлать ему разное поученіе, въ особенности же въ безпрестанномъ твореніи Исусовой молитвы и чтеніи акафиста Божіей Матери, чрезъ что самое получается благодать святаго духа. каковую онъ, Василій, уже получилъ, и она

въ немъ дѣйствуетъ не по его волѣ; а послѣ того, онъ, Ивановъ, принявши таковой полезный совѣтъ, сталъ ходить къ нему Василию на чтение и назиданіе разными поученіями, для чего самаго къ нему ходили при немъ: Мотовиловской Феодоръ Митрюшкинъ, Иванъ Васильевъ, Круто-Майданскій Никифоръ Михайловъ, однодеревенскіе съ нимъ, Ивановымъ, Филипъ Степановъ, Александръ Ивановъ, села Волчихи Савелій Зюзинъ съ своимъ семействомъ, изъ дѣвокъ же: деревни Кріуши Матрена и Екатерина, и Мотовиловская Евгения. При поученіи времени Василій приходилъ въ какое-то затменіе ума и въ безпамятствѣ падалъ на полъ; подобно сему припадки таковыя случались и съ Никифоромъ Михайловымъ; но толкованія въ отверженіе отъ Церкви нехожденіемъ во оную—не было. Все ученіе Василья было по его разумѣнію, доброе, и что точно дѣйствуетъ онъ не по свой волѣ, а духомъ святымъ, то въ одно время представилось ему, Иванову, отъ него, Василья, происходившее хорошее благоуханіе. Но къ какой вѣрѣ Василій принадлежитъ, онъ не знаетъ, и объ ней никому не передавалъ; да и Василій отъ кого былъ наученъ таковому понятію—непзвѣстенъ; и онъ съ Васильемъ никакой переписки не имѣлъ. Что все показалъ по самой сущей истинѣ.

Показаніе послѣдователя В. Радаева крестьянина Никифора Михайлова Уланова.

Отъ роду мнѣ 72 года; грамотѣ читать и писать не умѣю; вѣры православной, на исповѣди и у святаго причастія бываю; подъ судомъ не находился, крестьянинъ я Арзамасскаго уѣзда Казеннаго села Крутаго Майдана. Далѣе изъ разспросовъ оказалось, что онъ имѣетъ неясное понятіе объ Искупителѣ, грядущемъ отъ страны Иркутской ударить въ большой Московскій Успенскій колоколъ и что пойдутъ за нимъ люди полки полками и придеть въ Петербургъ сдѣлать тамъ Страшный Судъ. Имѣетъ понятіе, что каждое общество по вѣрѣ имѣетъ значеніе корабля, и что на ихъ золотомъ кораблѣ кормчій Василій, который и низвелъ на него, Никифора, духъ святой. Передъ тѣмъ, когда нисходитъ духъ святой, то чувствуетъ затменіе въ умѣ и стѣсненіе въ груди. Объ огненномъ крещеніи (оскопленіи), совершенно не имѣетъ понятія, равнымъ образомъ не знаетъ и о радѣніи, также не видалъ и золотого Христа въ видѣніяхъ, какъ это всегда бываетъ у другихъ хлыстовъ. Молитва его, Никифора, состоитъ, крестьясь трехперстнымъ сложеніемъ, въ слѣдующемъ: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“; „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно

и во вѣки вѣковъ. Аминь“; „Господи, прости великія согрѣшенія отца нашего Василія, во Христвѣ съ братіей,“ а въ другой такой же молитвѣ упоминаетъ Аванасья. На вопросъ, кто такой Аванасій, Никифоръ объяснилъ, что это Ревезенскій благочинный, который вмѣстѣ съ какою-то Ариною Лазаревною, живши въ Зеленогорской общинѣ, еще прежде его знакомства съ Васильемъ, дѣлали ему наставленія. Ученіе же Лазаревны состояло въ ученіи о тайной милостыни, говоря, что это—ангелъ женскаго пола и показывала ему, Никифору, семь небесъ, на которыя восходитъ тайная милостыня чрезъ трубочку. Она же Лазаревна учила его, Никифора, и тому, что явная милостыня до Бога не доходитъ, но что въ случаѣ неимѣнія чего подать можно брать у богатаго и подавать. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ ученій, утверждаетъ Никифоръ, что сдѣлалось доступно и ему видѣть эти небеса и трубочку, чрезъ которую доходитъ тайная милостыня. А Василій дополнилъ это ученіе. Онъ же, Никифоръ, объяснилъ, что въ старину въ Волчишскомъ Майданѣ жили какіе-то духовницы. Былъ на похоронахъ у Арины Лазаревны, которую выносили въ окошко.

Первое обличительное посланіе Василія Радаева къ отцу своему духовному.

Отче духовный! Что Вы обо мнѣ сумнѣваетеся? Спрашиваете мя, чтобы я Вамъ истинно открылъ вся въ себѣ? А когда я Вамъ хочу сказать отъ чистаго сердца всѣ вещи, что во мнѣ, то Вы не дадите мнѣ начать говорить рѣчь, першибаете мою, или уходите отъ меня и слушать не хотите. Развѣ тако узнаютъ истину! Какъ же Вы этакъ хотите во мнѣ узнать чтд? Вы должны бы хорошенько выслушать мя, хотя бы я Вамъ по Вашему понятію и противно сталъ говорить, или и глупо, или и больно Вамъ навстрѣчу и не по мысли; и то бы должно съ терпѣніемъ выслушать. Прости мя, отче! Не погнѣвайся! Какіе Вы духовные отцы! Развѣ Вамъ тако должно поступать, по свѣтски: что не показалось въ рѣчахъ, то и слушать не хотите, и рѣчей принять, скоро съ пышностью вскочить и убѣжать. Развѣ тако обращаютъ человѣка! Вы духовные отцы должны кротостію паче обращать, а не такъ, какъ Вы поступаете: вскочите, и убѣжите, и слушать не хотите. Аще Вы истинно бы пеклися мя обратить, видя мя въ заблужденіи, или бы и иного кого, то Вы должны бы всѣ рѣчи съ терпѣніемъ выслушать, хотя бы такъ или не такъ говорили Вамъ, хотя бы совсѣмъ Вамъ обидно, и то бы Вы стерпѣли, только бы заблудшую овцу обратить ко Христу. Христось всякое страданіе и

распятіе ради сего претерпѣлъ, чтобы только людей спасти. Вы и слова противнаго не хотите стерпѣть, и глупого. Какъ же такъ? Развѣ Вы больше Христа? Онъ отъ насъ сноситъ всякія рѣчи. А Вы не хотите и малости понести отъ меня глупаго. А хотите будто обратиться къ мнѣ! Апостоли обращали людей, побои отъ нихъ примали; и то терпѣли! Симъ обратили! Аврамій захотѣлъ обратиться къ племяннику, то ради ея мясо ѣлъ, вино пилъ и весь видъ блуднической представилъ; который пятьдесятъ лѣтъ мало и хлѣба и воды принималъ. Онъ же обращалъ, вѣсть сколько побой и мученія отъ нихъ принялъ, которыхъ обращалъ: за симъ, зная, не гнался, только бы ихъ обратиться. Вамъ, чай, такоже должно поступать, Вы того же званія. А Вы не хотите и слушать, что Вамъ не покажется. А хотите обратиться: развѣ такъ обращаютъ, развѣ такой нравъ ради обращенія потребенъ. Аще бы Вашъ нравъ имѣли апостоли, не погнѣвайтесь, ни единаго не обратили бы. Примите мою рѣчь, хотя и глупа. Ради обращенія людей надо нравъ самый смиренный, самый мягкій, и милостивый, и терпѣливый. Развѣ гнать должно, кто согрѣшитъ, ненавидѣть, гнущаться и грозить тѣмъ да семь. Развѣ такъ обращаютъ къ Богу; разсудитесь-ка, кто ошибается: Вы-ли, я-ли? Которая душа впала бы въ какіе грѣхи, то Вы бы должны незнай какія тягости вынести, дабы ея обратиться. Вы на сіе поставлены. А Вы такъ обращаете, совѣмъ въ отчаяніе гоните. Аще бы мя не сила Божія подкрѣпляла, то могъ бы я устоять противу всѣхъ Васъ. Подумайте: аще семейство возстанетъ на человѣка, и то како ему скорбно бываетъ. Како я себя не убилъ, стерпѣлъ толикое гоненіе отъ всего міра и начальства, или въ крайнее въ отчаяніе не пришелъ. Добро, ежели я въ ошибкѣ, сіе не дивно: единому человѣку ошибитися и не стыдно; но ежели Вы толикое множество въ ошибкѣ, не стыдно-ли Вамъ? Вы должны бы сострадать, помиловать, защитить мя, хотя бы я въ какихъ грѣхахъ находился, а не гнать и ненавидѣть. Сколь тяжко Вы Богу отвѣтъ дадите, аще по правдѣ Онъ поступитъ, за мя! Не столько сердце мое болитъ, что Вы мя такъ гоните, сколько о томъ, что Вамъ велия вина будетъ отъ Бога. Всегда молю Господа моего, чтобы Онъ Вамъ не поставилъ во грѣхъ сего, потому что Вы отъ невѣдѣнія сіе творите. Аще Богъ поступитъ по правдѣ, горе Вамъ будетъ. Хотите—слушаете, хотите—нѣтъ, хотите—еще сильнѣе гоните. Азъ же правъ, Вамъ сказалъ. А меня хуже не сдѣлаети. Я готовъ все терпѣть, потому что Вы мнѣ не вѣрите. Мнѣ уже что дѣлать; чай, не давиться отъ Васъ. Пусть какъ хотите гоните. Тамъ увидимъ, кто правъ будетъ, кто виноватъ предъ Судищемъ Христовымъ. А здѣсь гоните, какъ Вамъ угодно. Христосъ терпѣлъ безгрѣшенъ. А мы хотя и терпимъ,

мы не безгрѣшны; на насъ много грѣховъ всякихъ. Что же мнѣ не терпѣть: я не честнѣе Христа. А Вы говорите, что я спокаюсь; смотрите: Вамъ не спокайтесь паче бы! Вы грозите временнымъ: Вамъ бы не получить вѣчно казнь. Кого, разсудите сами, паче послушать: Васъ или Бога. Лучше умереть, нежели Бога преслушать. Пусть лучше желѣзы, оковы, тюрьмы и даже смерть принять, нежели преслушать Бога, или скрыти данный мнѣ отъ Бога даръ. Заклинаю себя Богомъ Живымъ, и готовъ во адѣ тяжчайшія муки терпѣть, ежели что я Вамъ неправду говорю. Имѣлъ много грѣховъ плотскихъ, нынѣ нѣсть сего. И со женою много иногда грѣшилъ не по времямъ; нынѣ такъ живу въ крайней чистотѣ, отъ крещенія единожды только со женою согрѣшилъ. Господь мнѣ простилъ всѣ грѣхи давно и извѣстіе отъ Бога получилъ въ прощеніи; и дадеся ми благодать отъ Господа великая и дарованія исцѣленій. Только я себя строго веду, не открываю ясно никому; сего ради и подуриваю индѣ, дабы мя совсѣмъ тѣ не узнали; гдѣ скажу или что сдѣлаю по дѣйствию духа, то ежели люди тѣ станутъ догадываться, то я скоро что-нибудь загорожу взбалмошно, дабы не познали мя вовсе тѣ. Лучше и много легче, аще хулять и считаютъ пустымъ человѣкомъ, нежели святымъ. Никакъ нельзя, чтобы не подуривать мѣстами. Истинно я Вамъ говорю, что Вы мя никакъ не разберете и не узнаете, хотя бы Васъ сошлось сто человѣкъ, ученыхъ въ богословіи. Или всѣ книги прочитайте и житія святыхъ отецъ, и то не разберете и не узнаете, аще я Вамъ самъ не растолкую; премудро во мнѣ духъ поступаетъ: никакъ узнать не можно. А Вы говорите, что будто бы я.... не знаю; думаю, мя духъ Божій водить, а совсѣмъ діаволь обладаетъ и духъ злобы мной дѣйствуетъ. Вы сего не знаете; отъ того тако и помышляете; духъ святой когда вселится въ человѣка, то многіе явные знаки покажетъ, сначала личныя, того ради, чтобы человѣкъ узналъ ясно, что духъ святой имъ дѣйствуетъ, дабы ему не попротивился въ чемъ, опасавши(сь) обману отъ враги. Богъ ту душу не оставляетъ безъ прямого и явного извѣстія, дабы она не преслушала его и казнь бы на себя не навела. (А Вы говорите:) духъ злобы тако дѣйствуетъ. Я Вамъ буду, якобы безуменъ, хвалитися: первое—очи мои просвѣщены душевныя, видятъ, кто какого житія: худого-ли, доброго-ли; любовь къ Богу и къ брату своему великая, смиреніе и смиренномудріе глубокое; вѣра и преданіе къ Богу чистое; беззлobie безмѣрное; безчестіе люблю паче всего, и хулу и гоненіе; молитва во мнѣ Иисусова наче дыханія; страсти утолены, помыслы очищены, похоть плотская вовсе исчезла и увяла; радость, и сладость, и умиленіе неизреченное въ сердцѣ моемъ

всегда непрерывно кипить, бывають восхищеніе ума, откровенія въ дѣлахъ непрестанныя, восторги многіе въ молитвѣ, пьянство духовное тоже; посмотри, какія души апостольскія, въ книги; во мнѣ оно же.

Второе обличительное посланіе Василія Радаева къ отцу своему духовному.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ рекъ во Евангеліи: *ядый мою плоть и пій мойю кровь, во мнѣ сей пребываетъ, Азь же въ немъ.* Желаетъ и моя душа сего хлѣба животнаго. Ты же, отче мой, не слушай пустыхъ слѣпного міра рѣчей, которыми мя пороками люди окладываютъ, міръ слѣпой; сихъ на мнѣ, благодарю Бога, нѣтъ, хотя такъ и виднѣется слѣпому міру. Ежели бы я то творилъ, то бы и каился по прежнему. Какъ это дѣло будетъ у насъ, Вы должны мя спросить искренно. Что тутъ мнѣ дѣлать: я Вамъ говорю истину, Вы почитаете ложью. Приходится мнѣ терпѣть до пришествія Праведнаго Судіи. Тогда мы явимся ему съ дѣлами нашими. Вы хотите мя постигнуть, чтó во мнѣ? Сего вамъ никакъ невозможно узнать, потому что выше Вашего много понятія. Ежели Откровеніе святаго апостола Іоанна можете поняти до точности, то и меня разберете. Вы мя смотрите со строгости закона и со стороны твари. Вамъ бы надо, когда Вы мя видите творяща что-то необыкновенное, выше Вашего понятія, то бы должно Вамъ меня подушевно, наединѣ, объ этомъ спросить. Я, вѣдь, знаю, что грѣхъ, что не грѣхъ, что добро, что не добро, что подобааетъ, что не должно творить. Вы говорите: сего нѣтъ писано, что я творю; то есть много дѣлъ моихъ несходно съ писаннымъ закономъ; точно такъ, много поступоковъ будто противу закона писаннаго. Мои поступки несходны съ писаннымъ закономъ, и я въ томъ признаюсь; но только съ волею законодавца сходно. Вы и думаете, что я ослѣпъ, считаете мя погибшимъ и во обманѣ. Свидѣтельство Божіе, которое во мнѣ вѣрнѣе Вашего. Могъ ли я не смутиться, всякаго званія люди! Мнѣ обѣщаютъ погибель и адъ. Что же я стою непоколебимо? Потому, что во мнѣ ясное и явное дѣйствіе и милость Божія. Такъ во мнѣ, и мнѣ ясно сіе открыто, что сойди вси ангели съ небесъ и скажи: не такъ живеши; и то не послушаю. Ежели которы люди ко мнѣ ходятъ мужеска полу и женска и видятъ погибель, то, всѣхъ прошу ко мнѣ и не ходить, даже близъ не подходить: пусть я единъ погибаю, а не многи со мной. Не желаю. Не ходи ни одинаго человека. Ежели Вы мя пріимите, какъ безпорочнаго, воистинну я не знаю на себѣ ни одинаго порока. Господь Богъ мой мя оправдываетъ,

а Вы кто, мя осуждаете. Между Вами и мной велико разстаяніе. Вы мя почитаете во всякихъ порокахъ, азъ же сего не имѣю. Вы скажете: кайся! Я скажу: не въ чѣмъ. Какъ тутъ мнѣ съ Вами согласиться! Какъ Вы мя считаете? То есть, въ какомъ смыслѣ: порочнымъ? Въ этомъ смыслѣ и я знаю, что такъ точно. Я себя считаю безпорочнымъ. вѣдь, въ другомъ смыслѣ, единому Богу извѣстномъ. Въ какомъ Вы смыслѣ мя почитаете погибшимъ, и во обманѣ, и въ порокахъ, и діаволь во мнѣ. И я на сіе согласенъ, что точно бы такъ было горе и бѣда мнѣ. Но я въ другомъ смыслѣ себя считаю право дѣющимъ во всемъ и безпорочнымъ, котораго Вы не можете помѣстить въ Ваше понятіе; отъ этого у меня съ Вами и не сходится; отъ этого и разница у насъ. А Вы думаете: я скрываюсь и не сказываю свои пороки, будто бы я боюсь Васъ, и не признаю отъ того. Знаю, что должно удалиться женскаго пола; даже и зрѣнія, а не только съ ними обращаться. Знаю, что блудъ и прелюбодѣяніе—тягчайшіе грѣхи. Знаю, что слова не должно соблазнительныя, а паче скверныя говорить. Даже отдадутъ челоуѣцы отвѣтъ и за праздное слово. И вся проч., закономъ запрещенное, не должно творить. Вѣрую въ Бога и во церковь, и принимаю и исповѣдь и Святыя Тайны Христа Бога нашего. Не только я отлучаюся святыя соборныя и апостольскія и восточныя церкви, но даже желаю всегда неотлучно въ ней быти и Святыхъ Тайнъ Христа Бога нашего каждую недѣлю принимали. Но Вы скажете: когда-де такъ, что же не ходишь ты ко всякой службѣ? Вы это вотъ знаете, что не хожу. Но можно-ли ходить мнѣ въ церковь: что весь народъ зрять на мя, аки на какое невидимое чудовище, и Вы также все смотрите, аки на сумашедшаго, срамите и клянете не только меня, даже и всѣхъ, которые ко мнѣ ходять. Сами разсудите, можно-ли ходить на срамъ единъ! Вы отцы, то и должно Вамъ бы по-отечески поступать съ нами. Духовные Вы отцы, то и должно бы Вамъ духомъ кротости исправляти. Хотя бы Вы вѣрили, или не вѣрили мнѣ, но не должно бы Вамъ такъ говор(ить), что діаволь во мнѣ; кто такъ Васъ достовѣрно узналъ, что во мнѣ не Божіе. Когда Вы мя не разберете, то бы ни то, ни другое достовѣрно не должно утверждати. Такъ Вы дерзко утверждати много ошибетесь. Вы должны не по наружности судить и по порицанію всего міра. Должны внутренность мою узнать и также мое состояніе и мѣру степени. Хотите, примете, или не примете; только на счетъ меня всѣ Вы ошибаетесь. Азъ въ здоровомъ разсудкѣ, только многимъ покажусь сумашедшимъ. Какъ считаютъ, тако весь видъ и ношу. Безумнымъ считаютъ, такъ и показуюся безумнымъ. Кто хоцетъ быти мудръ предъ Богомъ, предъ людьми буй да будетъ. Премудрость Божія у людей безуміе вмѣняетъ.

*Книга о разныхъ заповѣдяхъ и о молитвѣ Иисуса Христа, написанная
Василіемъ Радаевымъ.*

Разныя совѣты и назиданія.

Первое: Возлюби Бога отъ всего сердца и души.

Второе: Возлюби брата своего, какъ себя.

Третье: Люби молиться почаще, молитву Иисусову творить непрестанно; жити возлюби во отверженіи себя въ каждую минуту; уповай на Господа, терпи всякія напасти; кто тя бранить или хулить и безчестить, не гнѣвайся на него; вѣруй Господу, что на тя находитъ, отъ Бога сіе посылается для спасенія души твоей; люби жить отъ всѣхъ въ презрѣніи, гоненіи, въ безчестіи у людей; люби обиды паче рая; возлюби скорби, аки покой, живи, много знай, говори менѣе, слушай со вниманіемъ Слово Божіе; люби укореніе отъ людей; вездѣ и во всякихъ дѣлахъ себя укоряй, вездѣ себя осуждай и обвиняй; всякому уступай, отъ всякаго терпи, о всѣхъ Бога моли, обидящихъ тя; всякому слуху не вѣрь; всякому правду говори; чужіе грѣхи не суди; никого не оклеветывай; о всѣхъ людяхъ добро говори, всѣхъ святыми почитай, себя всѣхъ грѣшнѣе; братнинъ видя грѣхъ, покрой: твоя грѣхи Господь покроетъ; кто въ щеку ударить, правую подставь ему и лѣвую; кто станетъ скидати кафтанъ съ тебя, отдай ему и рубашку; кто скажетъ: „проводи мя версту,“ ты проводи двѣ; будь милостивъ ко всей твари; кто тя оскорбитъ, прости ему; кто что у тебя просить, дай ему; хотящему что заняты у тебя, не отврати ему, дай займы; всѣ дѣла добрыя твори въ тайнѣ; аще молишися много, не тщеславься молитвою и слезами въ молитвѣ не возносятся, смиреніемъ не гордися; бѣгай челоукоугодія во всемъ; ежели чѣмъ ты тщеславить помыслъ, что-нибудь сдѣлай или скажи нехорошу предъ людьми вещь или слово; молчаніе люби, безмолвіе гони, то есть, безпопеченіе; люби враговъ, благословляй, кто тя прокликаетъ; добро твори, кто тя ненавидитъ, молися за тѣхъ людей, которые тя гонять и нападаютъ; радуйся во искушеніяхъ, а не унывай; терпи вождѣленія плоти твоея, терпи смущеніе отъ помысловъ; крайне сказати: аще хоцещи спастися, то въ каждую минуту, паче дыханія, вои со вниманіемъ молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго; и будетъ душа твоя, яко ангелъ чистый. Были мнози грѣшники, блудники, прелюбодѣи, мерзкіе, скверные; возлюбили сію молитву вопити, содѣлалися святыми, чистыми, непорочными, и откровеній многихъ отъ

Бога сподобилися; сей молитвой, аки Ильиной колесницею на небо въздеси; сей молитвой, яко лѣствицею, на небо въздеси, сей молитвой умъ херувимскій получиши, сей молитвой любовь серафимскую въ сердце къ Богу стяжеша, сей молитвой умъ чистый отъ всѣхъ помысловъ стяжеша; сей молитвой, аки бритвой острой, изъ ума всѣ помыслы изчистиши; сей молитвой благодать святаго духа скоро получиши; сей молитвой дѣль грѣховныхъ, словъ, помысловъ свободишися въ конецъ; сей молитвой сквозь воздухъ, по смерть, яко сквозь воду пролетиши и на небо скоро въздеси и близь Бога станеша; сей молитвой безъ вреда мытарства пройдеши воздушныя; сей молитвой степени святости скоро достигнеша; сей молитвой въ скорое время земныхъ всѣхъ пристрастій свободишися; сей молитвой умиленія и мыслей солнцеобразныхъ премудрыхъ сподобленъ будеша; сей молитвой разумъ правый стяжеша; сей молитвой глубины Священнаго Писанія уразумѣши; сей молитвой во святая святихъ внидеши и откровеній дивныхъ сподобишися и Бога въ сердцѣ своемъ увидиши; сія молитва — Богъ всѣмъ добродѣтелямъ и дарованіямъ благодатнымъ; и царица сія молитва всѣмъ добрымъ, и глава, и корень, и источникъ всѣмъ добродѣтелямъ; коль сладка, вседобра, яснозрачна сія добродѣтель: вниманіе и молитва Иисусова; нѣтъ оружія сего крѣпчайше, ни на небеси, ни на земли, Имени Иисусова; сіе Имя адъ разрушило, смерть умертвило, жало зміино притупило, діавола связало, родъ человѣческій клятвы свободило, землю съ небомъ совокупило; Боже мой, коль мы достойны многихъ слезъ и плача всякаго, что не знаемъ драгость сей молитвы! Азъ же грѣшныхъ всѣхъ грѣшнѣйшій сію молитву искусомъ и опытомъ вопити познахъ, и въ чувствіи отъ нея сладость и драгость уразумѣхъ въ сердцѣ своемъ, и отъ нея рождающуюся въ сердцѣ любовь къ Богу узрѣхъ такую, что аки тамо сильный огонь нутренность всю будто бы пожигаетъ, и отъ отверженія сердца во мнѣ въ любовь Божію, аки пьяный симъ духовнымъ пьянствомъ упившійся, валяхся во изступленіи, аки безъ памяти, и вслкихъ видѣній наслаждался; и отъ нея рождающуюся серафимскую любовь познахъ; толь сія любовь серафимскимъ огнемъ нылающая отъ молитвы сей Иисуса Сына Божія сильна, ежели бы Богъ самъ же не подкрѣплялъ такую имущихъ любовь людей, то бы умерли отъ сей любви. Я говорю, — азъ, недостойный о сихъ вещахъ и разсудати, да не казнь отъ Бога мя постигнетъ, якоже Озію, хотящаго кивотъ Господній поддержати, да не упадетъ, смертію казненъ отъ Бога, потому что недостойнъ его коснуса, — азъ что тако вѣщаю? Но Вы мои любезніи мя тако понудите писати о толь странныхъ вещахъ, выше моего достоинства; любовь Ваша мя понуждаетъ сія писати; хотя мало и азъ отъ словъ осуждуся такихъ

и въ себя прииду, и горько отъ стыда и страха восплачу, и осуждаемый совѣстію моею, что толикаго тяжкаго, мерзкаго и сквернаго грѣшника сподобилъ мя Создатель мой Господь дара и знанія опытомъ, былъ я первый грѣшникъ, о Владыко мой, умолчу я свои грѣхи: не могу я ихъ даже писанію предати; истинно говорю, не лгу: возлюбихъ сію молитву вопити, сподобихся даровъ толь великихъ, тоже что и писанію предати не можно, яже не можно устами человѣческими изглаголати. Сего-то ради прошу и умоляю, припадше къ стопамъ ногъ Вашихъ честныхъ, азъ мерзкій, аки извергъ изъ изверговъ¹⁾: вопите сію молитву: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго и грѣшную (женскаго пола). Прошу каждаго со многими слезами и припадше къ стопамъ ногъ Вашихъ: вопите непрестанно сію молитву. Лобызаю моими мерзкими и скверными устами стопы ногъ Вашихъ: воите сію молитву. Простите мя, братія и сестры, что я такой недостойный, дерзнулъ учить, такой невѣжда. Вы же, мои любезніи, хотя я недостойнъ учить о такихъ великихъ вещахъ, послушайте мя окаяннаго и аки малоумнаго отрока, малосмысляща и глупыми словами Вамъ на подѣзу вѣщающа; можетъ Богъ и самую грязь на исцѣленіе употребити, такъ и малоумнаго премудро вѣщати научить въ пользу душъ, якоже Христось слѣпаго плюновеніемъ съ брениемъ просвѣтилъ и исцѣлилъ очи его; аще о тѣлесныхъ очахъ тако пекся Господь ихъ просвѣтитъ, колыми паче о душевныхъ попечется ихъ просвѣтитъ свѣтомъ благодати своея и исцѣлитъ отъ ложнаго знанія и даруетъ разумѣніе здравое на пользу душъ. Воите сію молитву непрестанно, безпрерывно, ходя, сидя, лежа и во всяко время. Аминь.

Объясненіе по дѣлу В. Радаева священника Андрея Минервина.

Прихода села Волчихи крестьянинъ Василій Максимовъ Радаевъ первоначально, подѣ благовидностью христіанскаго смиренія, взошелъ съ нѣкоторыми изъ прихожанъ моихъ въ близкое знакомство. Учащая посѣщенія свои въ дома ихъ, началъ приводить къ нимъ дѣвокъ и мужчинъ, набранныхъ имъ изъ разныхъ мѣстъ. Читалъ книги, училъ молиться Богу и жить свято. Къ нему съ каждымъ днемъ тайно болѣе и болѣе стекалось желающихъ ученіе его слышать. Наконецъ, начали звать его отцемъ Васильемъ; и онъ безпрестанно имъ внушалъ о близости своей къ Богу и о тѣхъ дарахъ, какіе получилъ отъ Бога.

¹⁾ Въ подлинномъ послѣдняя фраза написана неудобопонятно: аки извергъ и изверговти.

Ибо святыи духъ, говоритъ онъ, поставилъ его выше всякаго начала и власти; пишетъ онъ къ нимъ, что „душа, поставленная въ состояніе апостольское, заступаетъ мѣсто Христова (разумѣя себя); сія то душа надѣляется властію великою, что и повѣрить даже сомнительно, потому что она творитъ тоже, что и Христосъ творитъ и можетъ свидѣтельствовать о себѣ, и свидѣтельство его истинно есть, какъ Христово“ и проч. Оставивъ домъ, отца, жену и дѣтей, ходитъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ дома въ домъ, и ищущіе его повергаются къ ногамъ его, говоря: „Отче великій Василій, спаси насъ!“ Имѣя падучую болѣзнь, а можетъ быть хитрое притворство, обмирая и опять приходя въ себя, объявляетъ, что въ это время обмртвленія ангелы берутъ его на небо и дивными восхищаютъ его видѣніями, видитъ лицомъ къ лицу Бога и славу Его, видитъ рай и муку погибшихъ и ликующихъ. Такими подобными обольщеніями увлекъ многихъ и овладѣлъ ихъ простыми сердцами. Наконецъ, началъ учить самостоятельно въ родѣ апостола или самаго Іисуса Христа. Ученіе его состоитъ въ чистомъ самоотверженіи, преданіи и уничтоженіи себя, что называетъ таинственною смертію; а самъ себя назвалъ, или представилъ таинственно воскресшимъ, такъ какъ онъ уже прошелъ всѣ степени самоотверженія, преданія и уничтоженія. Законъ и Церковь его уже ничѣмъ обязать не могутъ, хотя они и ведутъ къ Богу, но онъ уже достигъ въ мѣру духовнаго совершенства и пришелъ къ Нему (т. е. къ Богу). Слѣдственно, ему то уже не нужно, что прошелъ. Теперь онъ на совершенной свободѣ. Что ни дѣлаетъ и что ни говоритъ, хотя бы дѣла его были самыя предосудительныя и мерзкія и слова богохульныя, ему уже не вѣняется въ грѣхъ и не подлежитъ за то отвѣтственности. Богъ на него не гнѣвается, онъ все равно какъ вѣрный и любимый сынъ, исполнившій волю отца, имѣетъ теперь свою волю, и на немъ отецъ взыскать ничего не можетъ, да и не хочетъ. Онъ уже не желаетъ ни царства, ни блаженства вѣчнаго, хотя бы послали его во адъ; но и тамъ его никакая сила коснуться не можетъ; хотя бы въ рай, но и тамъ радости больше не встрѣтитъ. И такимъ образомъ обольстя себя, послѣдователямъ своимъ говоритъ, что и вы того же достигнуть можете, и будете то же, что и я, если, какъ я васъ учу, пройдете всѣ степени самоотверженія, преданности и уничтоженія. Испытанія, какія онъ дѣлаетъ надъ послѣдующими: иди за нимъ, и куда онъ пошлетъ и велитъ что сдѣлать—дѣлай безъ размышленія; что потребуешь отъ твоей собственности, безъ жалѣнія подавай; и отнюдь никто воли своей не долженъ имѣть, и не долженъ дѣлать ничего безъ его воли и благословенія; у мужа беретъ жену, (если тотъ и другой въ чистомъ преданіи), или самъ съ нею спитъ, или другому

ее передаетъ; мужа сводить съ другою; дѣвушка или вдова дорожить честію и цѣломудріемъ: онъ лишаетъ ихъ, чтобъ онѣ не гордились и не занимались своими добродѣтелями; скромность превращаетъ въ безстыдство и охальство; умъ и благочестіе на богохульство; и ничѣмъ не велитъ дорожить и ничего не желать. Пишетъ онъ: „и сіе крайнее безуміе себя такой души сноравити, ей надо волю давати духу дѣйствовать; лучше духъ что сдѣлаетъ самое негодное, нежели мы самое хорошее“ и проч. Потомъ въ особенности къ женскому полу: „Съ которой повидимому я и хуже поступаю, та лучше устоитъ, потому что я за нее молиться буду; которая опасается и бережется, не устоитъ. Сколь велико безуміе дѣлаютъ тѣ, которые себя берегутъ: развѣ онѣ умнѣе Бога? Коль себѣ великій убытокъ дѣлаютъ душамъ своимъ. Вѣдь это мы Бога безразсуднымъ почитаемъ; мы это не вѣримъ Богу. Человѣкъ бранный учить Бога, какъ его спасти!“ Если онъ замѣчаетъ, что его кто-нибудь изъ послѣдующихъ зазираетъ или осуждаетъ, то онъ оправдывается слѣдующимъ: „О, слѣпота! о, безуміе! Ты ли умнѣе Бога, Его разсуждаеши, и Его уставляеши, какъ тебя спасти. Его поступокъ самый скверный лучше твоей чистоты милліонъ разъ. Богъ—атъ во едины сутки устроить въ такую степень святости, что ты своими добрыми поступками въ двадцать годовъ до того не доведи. Маловѣры!“ Однажды въ письмѣ своемъ, (которое, впрочемъ, получившимъ уничтожено изъ боязни поднасть строгой отвѣтственности за содержаніе онаго), приказываетъ одному изъ числа приверженныхъ къ нему: „Рабъ Божій, такой-то, тщишь о умноженіи и распространеніи нашего братства, особенно влеки молодыхъ дѣвушекъ, любить ихъ Богъ, и если онѣ отъ чистаго сердца послѣдуютъ мнѣ, то я имъ приготовлю славные вѣнцы, тебѣ же—вышній горній градъ Іерусалимъ, Евгеній (дѣвушка 16 лѣтъ) 6-ть серафимскихъ крылъ, и лице ея просвѣтитя, какъ солнце.“

Пишетъ онъ посланіе въ званіи и духѣ апостольскомъ, подъ заглавіемъ Слово зѣло полезное. По всему вѣроятію, что оно писано тогда, какъ ему входъ въ село Мотовилово былъ чрезъ меня запрещенъ и никто не смѣлъ къ себѣ его принять. Желая и надѣясь удержать при себѣ обольщенныхъ и дѣйствовать въ нихъ и ими, пишетъ къ нимъ увѣщаніе съ примѣра Іисуса Христа, укоряя ихъ въ слабодушіи и легкомысліи, что они, желая спасти себя и другихъ, скоро уступили воспрещенію и измѣнились. „Мы же что себя великими ставимъ, говоритъ онъ, что хотимъ спастися и людей спасти, а гоненіе и всякое поруганіе отъ людей не хотимъ переносити. Развѣ мы сильнѣе Бога?“ и проч.

Наконецъ, я его отогналъ. И онъ, вѣроятно, жалѣя чрезвычайной потери и напрасныхъ трудовъ своихъ, пишетъ ко мнѣ признательное съ нѣкоторою укорительностью письмо, въ которомъ, оправдывая себя и ученіе свое, хвалится имѣющимъ духъ апостольскій и не своей волею ходящимъ, и желаетъ, чтобы и его позвалъ къ себѣ: „призови меня къ себѣ, пишеть, и давай бесѣдовать, сутки, мало, — двое или трое“. Сознаваясь въ богохульствѣ, оправдываетъ себя, что якобы его (или ихъ) тѣмъ Премудрость Духа Святаго покрываетъ отъ людей: „а которые вамъ доносятъ хулы, будто на Бога мы говоримъ, сего не можно поняти вамъ. тутъ Премудрость Духа Святаго насъ симъ покрываетъ отъ людей“.

И столько сильны дѣйствія его обольщенія, что оними пораженное сердце впадаетъ въ крѣпкое страданіе тоски, и не могутъ съ нимъ переносить разлуки, въ особенности—женскаго пола! Если они удерживаются силою наказанія, или какою бы то ни было строгостію воспрещенія отъ свиданія съ нимъ, то впадаютъ въ какое-то безуміе и начинаютъ юродствовать.

Н. Г. Высоцкій.

